

НТВ и крушение иллюзий

Ситуация с НТВ мало кого оставила равнодушным. Одних заставила задуматься об истинных моральных ценностях, других — лицевой стороне дикого капитализма, третьих — о правах человека и демократических завоеваниях. Но были и такие, кому попросту все равно, что происходит с НТВ. Ведь их это не касается.

История падения телеканала длилась несколько дней, и уже давно поставлена точка. Но осталась масса загадок и неразрешенных вопросов. Именно поэтому редакция нашего журнала приняла решение встретиться с человеком известным и авторитетным в информационном мире, директором Института гуманитарных коммуникаций Иосифом Михайловичем ДЗЯЛОШИНСКИМ и попросила его ответить на два главных вопроса:

— **Что все-таки произошло с НТВ?**

— **Можно ли сказать, что был ликвидирован независимый частный общенациональный телеканал, или все-таки начат новый этап какой-то новой журналистики в России?**

Давайте переделаем ваши вопросы: рассматривать ли эту ситуацию как «охоту за ведьмами» или же можно утверждать, что начат новый этап в развитии российской журналистики? Слово «независимый» я бы из этого контекста убрал вообще по той простой причине, что терминология, которая используется в связи с НТВ, на мой взгляд, маскирует реальный смысл происходящих процессов и переводит их из плоскости выстраивания новых отношений в информационной сфере в плоскость борьбы за свободу слова. На самом деле речь идет о другом.

Неоднократно упоминаемое в последние месяцы словосочетание «свобода слова» возникло и вошло в плоть и кровь определенного типа цивилизации, а именно западноевропейской цивилизации в связи с пониманием необходимости общественного развития. Возникало гражданское общество, и оно требовало права на информацию. И в этом смысле свобода слова укоренена в фундаменте западноевропейского и, соответственно, американского гражданского общества, которое стремится контролировать поведение власти. «Свобода слова» была встроена в механизм общественной жизнедеятельности в связи с публичностью власти. Причем с самого начала свобода слова рассматривалась не в плане свободы бизнеса в сфере издательского дела, а как политическая защита граждан от всевластия короны. Так было в Британии и так же было во Франции.

Что касается России, то у нас свобода слова есть заимствованная идеологическая конструкция, место пребывания которой — сознание тонкой прослойки европейски

образованных людей. Так было во времена Радищева, Чаадаева, Плеханова, так и сейчас.

У свободы слова в России нет ни социального, ни политического фундамента. Потому что у большинства россиян глубоко в подсознании сидит мысль о том, что Россия — само совершенство, а если есть какие-то мелкие недостатки, то только потому, что у России есть враги, которые всячески ей вредят, следствием чего эти недостатки и являются. А если Россия — само совершенство, то зачем развитие? Нужны некоторые коррективы, а самое главное — не надо давать свободы, в том числе и свободы слова, врагам России. Потому что именно они и нуждаются в свободе слова, чтобы опорочить светлый облик России и подорвать ее духовную основу.

Конечно, НТВ и ряд других структур как в Москве, так и в других регионах России реализовывали нечто внешне похожее на свободу слова. То есть они критиковали правительство. На самом деле свобода слова связана не с критикой, вернее, не только с критикой правительства, а с информированием граждан о том, что происходит в действительности и с предоставлением гражданам возможности высказывать свои мнения по поводу власти, бизнеса и друг друга. При всем моем уважении к НТВ, полагаю, что они боролись за свои права, а не за свободу слова, потому что никакой свободы высказываний там не было. Там высказывался один и тот же круг людей, близких идеологически и политически к руководству компании. Но, борясь за свое право быть такими, какими они хотели быть, они объективно боролись за свободу, в том числе и свободу слова, свободу мнений, свободу прессы, свободу человека. Почему не получилось? Потому что и не могло получиться.

НТВ пыталась позиционироваться как качественная коммерческая телекомпания. Как я уже сказал, в моей терминологии нет понятия «независимая пресса». В строгом смысле слова независимая пресса — это та пресса, которая кормит себя сама. В Западной Европе, в Америке независимое СМИ — это СМИ, которое полностью окупает свои затраты и приносит прибыль.

Для описания ситуации в российской журналистике лучше пользоваться другими понятиями.

У нас есть государственная пресса, которая финансируется государством и защищает интересы властных элит. Здесь отношения строятся по очень простой схеме — мы вас кормим, и вы нас защищаете. И журналисты это делают. Плохо ли, хорошо, это вопрос второй.

Затем идет то, что я называю «коммерческая пресса». Пресса, которая финансируется бизнесом и худо-бедно отстаивает его интересы. При этом надо иметь в виду, что значительная часть предпринимателей

На митинге. Фото В. Коротихина

Не может быть свободной и независимой прессой в стране, где для нее нет экономических, социальных и политических условий

пошла на прочнейший альянс с властью. Им никакая свобода слова не нужна, а нужно благоволение начальства, от которого зависят квоты, налоги, преференции, льготы и пр. Некоторая часть предпринимателей нуждается в свободном рынке. Именно они нуждаются в свободе слова, а значит, в независимой от власти прессе. Но быть независимым от власти, не значит быть независимым от бизнеса или еще от кого-то. Общеизвестно, что на производство СМИ в России затрачивается в несколько раз больше средств, чем возвращается в виде доходов. Значит, эта пресса не может себя считать независимой. Чаще всего такие СМИ ведут очень гибкую — на грани приличия — политику, сотрудничают с различными коммерческими группировками, публикуют иногда заказные материалы...

И третий блок — это пресса третьего сектора. Та пресса, которая по определению не может быть коммерческой и не может давать прибыль, но она должна существовать, поскольку должна отражать проблемы этого сектора, так как государственная и коммерческая журналистика не очень интересуется ими. Первая не интересуется, поскольку государство относится к гражданскому сектору очень ос-

торожно, напряженно и опасливо, а бизнес не интересуется, потому что там нет источника дохода, нет сенсации особенной и так далее. Но и эту прессу тоже вряд ли можно назвать независимой.

Таким образом, в строгом смысле слова к независимым можно отнести только те коммерческие СМИ, которые сами оплачивают все расходы на свое производство и даже получают прибыль и при этом создают качественный информационный продукт, обеспечивающий гражданам возможность ориентироваться в происходящих событиях и принимать эффективные решения. Для того чтобы такие СМИ существовали, нужны три условия:

- развитой свободный рынок, стимулирующий стремление производителей рекламировать свои товары и услуги;
- динамичное общество, требующее от своих членов быстрой реакции и умения принимать эффективные решения в постоянно изменяющихся условиях;
- достаточно многочисленный и обеспеченный средний класс, готовый платить за качественную информацию.

Ничего этого в России нет. Есть псевдорынок, контролируемый властью и несколькими паханами, получившими доверенность от власти на управление «мелкими рыбешками». Есть вялое, апатичное сообщество индивидов, озабоченных собственным выживанием. И нет ничего похожего на средний класс. Поэтому я давным-давно говорил о том, что НТВ закроют или оно закроется. Закроют потому, что оно выступает против власти, то есть номенклатуры, не имея мощной социальной поддержки. (Я не могу считать социальной поддержкой участников

нескольких вялых митингов, прошедших в Москве, Петербурге и еще где-то.) Закроется потому, что постоянно живет в долг, потому что в современной экономической ситуации Россия не в состоянии обеспечить процветание крупной коммерческой телекомпании, если она хочет торговать качественным информационным товаром.

Повторю еще раз: НТВ представляет собой попытку реализовать идею качественного коммерческого средства массовой информации. Для того чтобы эта идея могла быть реализована, необходимо, чтобы средний класс, то есть предприниматели, юристы, преподаватели, врачи, дилеры, брокеры, торговцы, финансисты и проч. составляли хотя бы 30 процентов населения и нуждался в качественной независимой информации. Кроме этого, уровень экономического развития страны должен быть таков, чтобы рекламодатель был заинтересован в этом слое населения, которое смотрит качественное телевидение. Этот слой населения должен быть достаточно богатым и интересоваться достаточно дорогими товарами, которые рекламируются с помощью качественных независимых СМИ. Если ничего этого нет, приходится жить в долг, выкручиваться, идти на компромиссы и рано или поздно сдаваться на милость победителя.

Что и произошло.

Для меня компания НТВ — это оранжерейный цветок, выращенный заботливым садоводом в теплице и способный существовать только в теплице. Как только злые дяди сорвали пленку с этой теплицы, цветок увял. Путину, которому, естественно, не нравилось, как изображают на

четвертой кнопке его самого и его политику, ничего не надо было делать со свободой слова, он просто снял с теплицы пленку и сказал: все, ребята, искусственного климата больше не будет. Специальных кормовых добавок, удобрений, микроэлементов тоже не будет. Для вас не будет. Для других, может быть, будет. А вы верните долги. Все, НТВ тут же кончилось. Обо всем этом все знали еще два года назад. Что НТВ очень дорогое. Что оно живет на кредиты. Что уровень доходов журналистов в этой компании выше, чем где бы то ни было. Что затраты на информационные программы у них очень высокие. И прочее-прочее-прочее.

Успешность борьбы за свободную и независимую прессу напрямую зависит от способности журналистов объединиться со структурами гражданского общества

Разногласия по поводу НТВ объясняется тем, что произошла «склейка» двух процессов. Получилась своеобразная лента Мёбиуса. Экономическая несостоятельность НТВ (объясняемая не плохим менеджментом, как говорит Йордан — посмотрим, что он сможет сделать, — а объективной неготовностью нашей социальной системы содержать такого рода компанию) перешлась с политическим противостоянием между довольно узким сегментом российского бизнес-класса и части российской общественности и политическим режимом Президента Путина.

Нынешний режим имеет свои политические приоритеты, они связаны с попыткой государства контролировать не только политические, но и экономические, и социальные процессы, и это, конечно, не нравится определенному кругу людей, интересы которых и выражал Гусинский. Мне смешно, когда говорят, что Гусинский выражал интересы еврейского лобби или американского империализма, это все полная нелепость. Он выражал интересы определенного слоя, достаточно тонкого, но значимого внутри российской бизнес-олигархии, которой нужна другая система отношений. Я сейчас не берусь судить о том, что для России лучше — ельцинский бардак или плац Путина, это отдельный разговор, но, естественно, режим Путина категорически не воспринимает никакой критики. Свободное слово этому типу управления чуждо по определению. Потому что Путин знает, как надо ликвидировать недостатки. Ему не нужна пресса для того, чтобы об этом разговаривать. У него есть свои привычные технологии решения проблем, и публичное обсуждение проблем, коллективный поиск всеми приемлемых решений в списке этих технологий не значатся. Разумеется, я сейчас говорю о Путине не как о личности, а как об олицетворении определенного политического режима...

Уникальность ситуации с НТВ как раз и выразилась в том, что политическая расправа была выполнена с помощью экономических механизмов. Или по-другому: это была экономическая расправа с политическим подтекстом. Был использован

На митинге. Фото В. Коротихина

механизм экономического удушения политически нелояльной прессы. Можно, конечно, негодовать по этому поводу. Я полагаю, что надо было предвидеть. И готовиться.

Российская система СМИ возвращается в свое архетипическое состояние: всё и вся контролируется властью, а для узкого круга просвещенной общественности выходит то «Литературная газета», то «Известия» с «Неделей». Мы получаем ту же ситуацию, правда, с поправкой на время. Теперь роль «Литературной газеты» будет играть НТВ.

Абсолютно такая же судьба ждет ТВ-6. ТВ-6 выживало, потому что они экономили на всем, даже на информации. Сейчас туда пришел Киселев, который экономить не умеет. И дело не в том, что он плохой менеджер. Он хочет делать нормальное качественное телевидение. А это очень дорого. Значит, уровень расходов резко возрастет, а нормальных источников доходов на покрытие таких расходов у ТВ-6 нет и не будет. Значит, опять инвестиции извне, от Гусинского с Березовским. Но за этими деньгами будет строжайший контроль. Черным налом — не удастся. Закачивать деньги легально — значит, платить жуткие налоги, на что ни Березовский, ни Гусинский не пойдут. Значит, будут нарушения. Ребятам дадут возможность покрутиться, затем начнут проверять финансовую ситуацию. И все.

Тут возможны самые разные варианты. Но то, что оранжерейные цветы больше на суровой почве российской культуры и политики не будут выживать, очевидно.

Все сказанное выше дает основание для горького вывода о том, что не может быть свободной и независимой прессы в стране, где для нее нет экономических, социальных и политических условий. И это действительно так. Но, с другой стороны, борьба за свободную и независимую прессу есть обязательное условие спасения журналистской корпорации. К сожалению, сама журналистская корпорация находится в раздробленном, распыленном состоянии. Генеральный секретарь Союза журналистов России Яковенко констатирует, что СМИ сами поддерживают нечестные правила игры, а значит, не очень заинтересованы в свободе и независимости. Потому что в условиях прозрачного и честного рынка многим придется покинуть этот бизнес. И все равно правила игры придется менять. Должна быть создана мощная корпоративная среда, ориентированная на честную игру. **Сами журналисты должны обеспечить собственное будущее. Никто кроме них этим заниматься не будет.**

Придется менять и конструкцию существующей прессы. Рано или поздно придется идти на укрупнение основных субъектов информационного рынка. Уже сейчас создаются концерны, издательские дома и прочие структуры, которые могут накапливать ресурсы, которые могут даже поддерживать качественные убыточные издания, потому что они будут нужны для привлечения определенной аудитории, которая будет нужна, в свою очередь, для другого издания и так далее.

Но эта система имеет право на существование только при условии полной финансовой и политической прозрачности и реализации жестких законодательных и практических мер по соблюдению свободы и плюрализма мнений.

Но само по себе журналистское сообщество не сможет преодолеть сопротивление власти, которая ни за что не позволит возникнуть крупным медийным структурам, способным вести самостоятельную информационную политику. Следовательно, нужны союзники. Успешность борьбы за свободу и независимость прессы напрямую зависит от способности журналистского сообщества объединиться с правозащитным сообществом и структурами гражданского общества.

Есть только две силы в России, которые более или менее искренне заинтересованы в становлении гражданского общества. Это журналисты, которые объективно, независимо от их личных характеристик необходим свободный информационный рынок. И вторая сила — это активисты третьего сектора. Они тоже могут существовать в условиях, когда они свободны в осуществлении своей миссии.

Что касается российского бизнеса, то он встроен в современную экономическую и политическую ситуацию, пошел на слияние с властью. Это можно понять. Без защиты государства российский производитель не выдержит конкуренции. Для своего развития российский бизнес нуждается во власти, которая будет его оберегать, закрывая иностранному бизнесу дорогу в Россию и открывая возможность для россиян по демпинговым ценам выбрасывать товар на внешний рынок. Поэтому российский бизнес заинтересован в союзе с властью, а будучи заинтересованным в союзе с властью, он, естественно, не может быть союзником свободной прессы, которая будет это разоблачать немедленно, и он не будет союзником третьего сектора, который для него лишь неприятная помеха, мешающая чувствовать себя хозяином.

Разумеется, и в предпринимательской среде есть отдельные отчаянные индивиды, которые будут исподтишка, через третьи структуры, давать деньги борцам за свободу слова и гражданское общество. На всякий случай, может быть, пригодится. Но особенно на них рассчитывать не приходится. Не очень рационально рассчитывать на помощь зарубежных фондов. Они, конечно, помогали, помогают и будут помогать, но объем этой помощи таков, что может поддержать на плаву отдельные СМИ, но не может решить наши проблемы. Так что вновь приходим к выводу, что сами журналисты, консолидировавшись в некие коалиции со структурами гражданского общества, могут что-то сделать, чтобы обеспечить приемлемые условия для профессиональной свободы. А для этого **журналистское сообщество должно искоренить мифы в собственном сознании, очень ясно и трезво оценить ситуацию, попытаться разработать хоть какую-то внятную концепцию своего движения во времени.**

И последнее. Надо понимать, что борьба журналистов за свободу профессиональной деятельности имеет значение, существенно выходящее за пределы корпоративных интересов. От исхода этой борьбы во многом зависит, победят ли в российском обществе те, кто полагает, что прагматическая целесообразность и сиюминутная выгода являются высшими критериями при оценке любых явлений и процессов, или все-таки мы сумеем сохранить «романтические иллюзии» свободной и независимой личности, без которых все остальное теряет всякий смысл.